

История любви
в истории Франции

GUY BRETON

HISTOIRES D'AMOUR
DE
L'HISTOIRE DE FRANCE

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

*От великого
Конде
до Короля-
Солнце*

ТОМ 4

 АСТЕРНА

Москва, 2012

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)
Б87

Иллюстрации — Ксения Салина

Дизайн переплета — Александр Архутик

*В оформлении использован фрагмент работы
Франсуа Буше «Мадам де Помпадур»*

Бретон, Ги

Б87

История любви в истории Франции: Т. 4.
От Великого Конде до Короля-Солнце / Пер.
с фр. В. В. Егорова. — М.: Этерна, 2012. —
448 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00059-7

ISBN 978-5-480-00186-0 (т. 4)

«...В Париже или провинции нет ни одного должностного лица, не имеющего любовницы, которая щедрой рукой не раздавала бы милости или же порой не творила бы несправедливости. Все эти женщины тем или иным образом оказались связанными друг с другом, образуя государство в государстве или же своего рода республику, граждане которой считали своим долгом оказывать ближнему всяческую помощь. И если кто-нибудь начнет анализировать действия министров, судей, прелатов, учитывая влияние женщин, с которыми они связаны и которые на самом-то деле ими управляют, он уподобится человеку, который видит, как работает машина, но не имеет ни малейшего понятия о пружинах, приводящих ее в действие...

В Персии часто можно было услышать жалобы на то, что королевством правят две или три женщины. Но сложившаяся там обстановка не идет ни в какое сравнение с тем, что делается во Франции, где всемогущие женщины, не ограничившись общим руководством, взяли на себя всю полноту власти».

УДК 94(4)

ББК 84-4 (Фр)

© В. В. Егоров, перевод, 2012

© ООО «Издательство

«Этерна», оформление,

2012

ISBN 978-5-480-00059-7

ISBN 978-5-480-00186-0 (т. 4)

Наиболее серьезные изменения в политике государств обычно происходят под влиянием женщин, а войны, столь губительные для королевств и империй,— лишь следствие влияния их красоты или хитрости.

МАДАМ ДЕ МОТТЕВИЛЬ

В сто седьмом персидском письме Монтескье¹ сообщал своему другу Рика:

«Приехав во Францию, я убедился, что, хотя король и находился в том возрасте, когда уже давно не думают о женищинах, он все еще оставался марионеткой в их руках. В разговоре со мной одна придворная дама сказала: “Я переговорю с министром, чтобы он сделал что-нибудь полезное для этого молодого полковника, достоинства которого мне хорошо известны”. Я был также свидетелем того, как другая дама заметила: “Удивительно, как этот молодой аббат до сих пор еще не стал епископом. Я думаю, что следует ему помочь. С самого рождения он обладает всеми лучшими мужскими качествами, а я могу поручиться за его высокую нравственность”.

Но ты не думай, что эти дамы были фаворитками принца. Они, возможно, за всю свою жизнь и говорили-то с ним от силы раза два, и в этом нет ничего страшного — европейские принцы не чурались общения с прекрасными дамами. Просто дело в том, что при дворе, в Париже или провинции нет ни одного должностного лица, не имеющего любовницы, которая щедрой рукой не раздавала бы милости или же порой не творила бы несправедливости. Все эти женщины тем или иным образом оказались связанными друг с другом, образуя государство в государстве или же своего рода республику, граждане которой считали своим долгом оказывать ближ-

нему всяческую помощь. И если кто-нибудь начнет анализировать действия министров, судей, прелатов, учитывая влияние женщин, с которыми они связаны и которые на самом деле ими управляют, он уподобится человеку, который видит, как работает машина, но не имеет ни малейшего понятия о пружинах, приводящих ее в действие.

Считаешь ли ты, Иббен, что женщины становятся любовницами такого-то министра из одного лишь непреодолимого желания ему отдаться? Ничего подобного! Они делают это скорее всего для того, чтобы получить возможность подсовывать ему каждое утро пять или шесть прошений. И их природная доброта проявляется в готовности помочь многим несчастным людям, которые со своей стороны обеспечивают им ренту в сто тысяч ливров.

В Персии часто можно было услышать жалобы на то, что королевством правят две или три женщины. Но сложившаяся там обстановка не идет ни в какое сравнение с тем, что делается во Франции, где всемогущие женщины, не ограничившись общим руководством, взяли на себя всю полноту власти».

Париж, писано в последнюю луну Шалваля²,
1717 г.

Не знаю, что можно еще добавить к столь замечательному письму...

Глава 1

СОСТОЯЛА ЛИ АННА АВСТРИЙСКАЯ В ТАЙНОМ БРАКЕ С МАЗАРИНИ?

Невозможно даже представить, какую глупость могут совершить мужчина и женщина, если им приходится скрывать свои близкие отношения...

Андре Фабре

Уувствуя приближение смертного часа, 20 апреля 1643 года Людовик XIII призвал в свои покои членов парламента³ и в присутствии Анны Австрийской зачитал им свое завещание, значительно ограничивающее права королевы и одновременно унижающее ее достоинство:

— До достижения совершеннолетия моего сына управлять королевством будет регентский совет, в котором королева-мать будет иметь лишь один голос, а решение будет считаться принятым, если за него проголосует большинство присутствующих на заседании членов совета.

При этих словах Анна Австрийская побледнела, а в комнате воцарилась гнетущая тишина.

Уже давно при дворе ни для кого не было секретом, что Людовик XIII не доверял своей супруге, но никто раньше не мог даже предположить, что он публично откажет ей в праве на регентство. Члены парламента еще не пришли в себя от удивления, когда король добавил слабеющим голосом, что «королева промотает все королевство, как это сделала в свое время его покойная королева-мать, если она станет регентшей»⁴. Последние слова окончательно привели в замешательство членов парламента.

Но государь тут же потребовал, чтобы Монсиньор и Анна поставили свои подписи под только что зачитанным завещанием, к которому он заранее сделал приписку:

«Все, что написано выше, является моей последней волей и должно быть непременно выполнено».

Королева молча повиновалась, считая, что покойи умирающего не лучшее место для споров. Однако уже на следующий день после кончины Людовика XIII, последовавшей 15 мая, обратилась в парламента с требованием аннулировать королевское завещание, заявив, что берет на себя «всю ответственность за свободное, полное и неограниченное управление делами королевства» до достижения Людовиком XIV совершеннолетия «с предоставлением ей права подбирать себе в помощь честных и опытных людей в необходимом ей количестве для обсуждения вопросов государственного управления на заседаниях совета... не принимая на себя обязательства подчиняться большинству».

Что, по сути дела, напоминало настоящий государственный переворот.

* * *

Сразу же после смерти Людовика XIII⁵ в Версаль начали возвращаться бывшие ранее в опале придворные: мадам де Шеврез, мадемуазель де Отфор, Лапорт, мадам де Сенеси и другие... И не узнали свою королеву. Она уже успела в полной мере ощутить всю тяжесть выпавшей на ее долю ответственности и совсем не была похожа на ту апатичную и беззаботную женщину, какой они ее привыкли видеть раньше.

Но Анна Австрийская отнюдь не стремилась к власти, нарушив волю своего мужа. Она преследовала единственную цель: поставить во главе королевства своего любовника...

Когда встал вопрос об избрании нового премьер-министра, у придворных и членов парламента не было никаких сомнений в том, что на столь ответственный пост будет назначен епископ Огюстен Ротье из Бове, который, по общему мнению, являлся самой подходящей кандидатурой. Ибо, как писал кардинал Ретц в своих «Мемуарах», «он был дубиной в епископской митре и самым глупым из всех глупцов».

Но премьер-министром неожиданно для всех стал Мазарини⁶.

«Весь Париж терялся в догадках,— писал Сотро де Марси.— Никто не знал, на какие рычаги нажал кардинал, чтобы удержаться у власти. Ведь он не раз всенародно заявлял, что собирается вернуться в Италию. Но после того, как камердинер королевы Лапорт опубликовал свои “Мемуары”, ни у кого не осталось сомнений в том, что с самого начала королева находилась в сговоре с кардиналом. Именно с этого времени и пошли

слухи о любовной связи Анны Австрийской с Мазарини, который был, кстати, очень видным мужчиной»⁷.

А простые парижане, всегда острые на язык, стали утверждать, что Мазарини сотрясает государство всякий раз, когда начинает играть на своей «дудочке». Повсюду распевались куплеты непочтительного содержания:

Мазарини — хитрый элемент,
А его природный инструмент
К нападению готов в любой момент.
И хотя не причиняет он урона,
От ударов сотрясается корона.

В самом деле все считали, что отношения, установившиеся между сорокадвухлетней королевой и итальянцем, которому уже исполнился сорок один год, носят отнюдь не платонический характер. В Париже открыто высмеивали их любовную связь, а студенты Латинского квартала, которые во все времена отличались независимостью суждений, называли регентшу не иначе как шлюхой кардинала. Вскоре это прозвище было подхвачено кумушками Центрального рынка и всеми мелкими торговцами. И только тогда мадемуазель де Отфор сочла необходимым сообщить Ее Величеству, «что по городу ходят нехорошие слухи».

Реакция Анны Австрийской на эти слова была довольно любопытной. Мило улыбнувшись, она произнесла:

— Все эти разговоры не имеют под собой никакой почвы. По той простой причине, что кардинал не любит женщин. Ведь он родом из страны, где предпочитают кое-что другое.

Вот так, ни секунды не колеблясь, регентша решила навсегда отвести от себя все подозрения, обвинив своего любовника в содомском грехе.

Однако было бы наивным полагать, что нашлись люди, которые приняли ее слова за чистую монету. И Лапорт и мадам де Бриен продолжали информировать Анну о том, что ее взаимоотношения с кардиналом продолжают оставаться основной темой едких куплетов. Но если королевский камердинер не добился большего успеха по сравнению с мадемуазель де Отфор, мадам де Бриен, напротив, выслушала несколько откровений королевы:

— Хочу тебе признаться в том, что я люблю его,— сказала королева, покраснев до корней волос,— и люблю нежно; но мое отношение к нему не из области чувств; один лишь мой разум преклоняется перед мощью его интеллекта⁸.

И тут же поклялась на ковчеге со святыми мощами, что никогда впредь не будет вести разговоры с Мазарини на темы, выходящие за рамки государственных дел.

Но в тот же вечер она открыла кардиналу дверь своей спальни, и он, как всегда, не обманул ее ожиданий, доставив ей немало приятных мгновений.

Вспоминала ли она о своей клятве и расспрашивала ли кардинала о победе, одержанной под Рокуру, в тот момент, когда он вольно с ней обращался?

Трудно сказать.

* * *

В начале октября 1643 года по Парижу распространился слух о том, что Мазарини выиграл

в карты особняк Тюбеф, находившийся на месте нынешнего здания Национальной библиотеки.

Это событие послужило поводом для нелестных шуток в адрес регентши.

Но когда в городе узнали, что премьер-министр выехал из особняка Клев, располагавшегося рядом с Лувром, чтобы поселиться на улице Тюбеф, простой народ не преминул шумно выразить по этому поводу свое мнение:

— Значит, у них не заладилась семейная жизнь,— оживленно судачили кумушки.— Королева и кардинал должны, по всей видимости, скоро расстаться.

Но они ошибались. 11 октября Анна Австрийская, желая как можно быстрее оказаться поближе к премьер-министру, покинула Лувр и переехала во дворец Пале-Кардиналь, который Ришелье в свое время завещал королю. Отныне Мазарини не составляло большого труда незаметно через сад проникать в дом королевы. Теперь он мог каждый вечер без помех «отсыпать меру овса» вдове Людовика XIII.

Бедняжка, лишенная в течение столь долгого времени мужской ласки, всякий раз ожидала прихода кардинала с плохо скрываемым нетерпением. Прижавшись лбом к оконному стеклу, она напряженно всматривалась в темноту сада, вздрагивала и бледнела, заслышав шаги Мазарини, ступавшего по дорожке, покрытой увядшей листвой.

Но однажды он не пришел. Обеспокоенная королева послала на улицу Тюбеф верного Лапорта, не раз приходившего в свое время ей на выручку в подобном деликатном деле. Вернувшись, камердинер принес страшную весть: кардинал заболел желтухой.

Однако несчастье, приключившееся с Мазарини, только развеселило народ, который усмотрел в этой болезни кару небесную. И снова среди простых людей стали ходить бесхитростные шутки относительно добродетельной Анны Австрийской.

— Без причины не пожелтеешь,— злорадствовали они.

И Анне Австрийской в который уж раз пришлось закрывать рот сплетникам.

Чтобы покончить со слухами, ходившими о ней и кардинале, 10 ноября на заседании парламента она заявила, что «у нее несколько раз на день возникает необходимость обсудить с кардиналом вопросы государственной важности, но, принимая во внимание его болезнь, из-за которой тому трудно часто ходить через сад Пале-Рояля, она решила предоставить Мазарини апартаменты в своем дворце, что позволит ей постоянно иметь его под рукой для решения неотложных дел».

«Решение королевы,— писал в тот вечер Годен,— было одобрено министрами и встречено аплодисментами»⁹.

Министры имели все основания для аплодисментов: наконец-то любовники зажили вместе под одной крышей.

Кардинал поселился в обширных апартаментах, выходивших на улицу Бон-Анфан. И для того чтобы попасть к королеве, ему надо было лишь воспользоваться тайным переходом, о котором упоминает принцесса Палантинская в своих воспоминаниях.

Неожиданная для всех перемена, произошедшая в поведении королевы, которая еще за две недели до этого краснела лишь при одном упо-

минании Мазарини и всеми, даже самыми неожиданными способами пыталась скрыть свою связь с кардиналом, настолько удивила придворных, что они вскоре начали поговаривать, будто Анна Австрийская и первый министр сочетались тайным браком¹⁰. Вот так возникла историческая загадка, над разгадкой которой будут ломать головы в будущем целые поколения историков.

* * *

Прежде чем, в свою очередь, поразмыслить над этой историей, послушаем, что говорили по этому поводу современники.

Одни ограничивались лишь постановкой проблемы. Автор опубликованного в 1649 году «Ходатайства о пересмотре судебного решения» писал, например, о королеве и кардинале: «Если они действительно связаны узами брака, а их брачный контракт был освящен главой миссии отцом Венсеном¹¹, они вправе делать все, что хотят, и даже то, что следует скрывать от нас».

В другой появившейся в том же году книге «Секрет, о котором знали все» прослеживается аналогичная мысль: «Почему так бранят королеву за ее любовь к кардиналу? Разве она должна поступать по-другому после того, как вышла за него замуж, а отец Венсен одобрил и подписал их брачный контракт?»

Другие высказывались более категорично. Так, доктор теологии Марк-Антуан Деруа, аббат Лединьяна и каноник Алеза, нисколько не сомневался в том, что брак был на самом деле заключен. В своем любопытном труде «Героическая

муза, или Зарисовки самых памятных деяний Его Преосвященства в разное время и в разных обстоятельствах» он представляет кардинала тайным супругом Анны Австрийской.

И наконец, принцесса Палантинская уверенно заявляет в своих «Мемуарах», нисколько не сомневаясь в собственной правоте: «Королева-мать, вдова Людовика XIII, не желая быть просто любовницей, вышла замуж за кардинала Мазарини, который не был посвящен в сан священника и поэтому не принимал обета безбрачия. А кроме того, известны все обстоятельства их совместной жизни. До сих пор в Пале-Рояле существует тайный ход, через который кардинал каждую ночь навещал королеву в ее покоях. И старуха Бове, первая камеристка королевы, ее самое доверенное лицо, была посвящена в тайну их бракосочетания».

На первый взгляд достаточно приведенных здесь фактов, чтобы у читателя не осталось сомнений в том, что королева и кардинал состояли в тайном браке. Но существует еще более убедительное свидетельство самого Мазарини. 27 октября 1651 года кардинал, будучи в изгнании, отправил регентше зашифрованное письмо, в котором есть строки, придающие особый вес словам принцессы Палантинской:

«Я уверен, что, когда известные Вам люди объединятся с теми, кто добровольно сложил с себя обязательства по отношению к морю¹², они выступят против него и постараются сделать все возможное, чтобы настроить 44¹³ против него. Но они не смогут добиться поставленной цели лишь потому, что +и^{*14} связаны друг с другом уза-

ми, которые, а Вы в этом со мной полностью согласны и неоднократно мне это подтверждали, выдержат испытание временем и устоят перед натиском любых обстоятельств.

Я прочитал письмо Серафина¹⁵, адресованное 46¹⁶, которое заканчивается словами, лучшие которых найти, наверное, невозможно, ибо он (в письме употребляется «он» вместо «она», а имя Серафин стоит в мужском роде) писал, что, если бы он стоял на пороге смерти, его последняя мысль была бы о + (любовь к Мазарини). Вы не можете себе представить, как эти слова пришились кстати. Кажется, сам Бог вдохновлял Серафина при написании этого письма, так как оно пришло как раз в тот момент, когда надо было облегчить страдания Н¹⁷. И можно понять состояние этой малышки¹⁸, которая вначале вышла замуж, несмотря на все препятствия, стоявшие на ее пути, а потом была вынуждена уехать¹⁹. Будем все же надеяться, что ничто не помешает ей увидеть его, чего * желает более всего в жизни».

* * *

Похоже, Мазарини и Анна Австрийская действительно сочетались тайным браком. Уже одним доказательством тому может служить отношение духовенства к королеве. Будучи очень набожной женщиной, Анна Австрийская часто навещала монахинь монастыря Вал-де-Грас. «И святые женщины,— писал Жюль Лаузелер,— на протяжении многих лет закрывали глаза на ее любовную связь, хотя, узнав о ней во время исповеди, они должны были бы посчитать ее преступной и от-

вернуться от королевы, что само по себе кажется неправдоподобным».

А так как будущий св. Венсен де Поль продолжал оставаться духовником королевы и ни на день не прерывал исполнения обязанностей священника, следует предполагать, что тайное бракосочетание узаконило отношения двух именитых особ²⁰.

Теперь нам остается только узнать, почему в такой тайне держался этот союз — ведь сообщение о замужестве регентши положило бы раз и навсегда конец всем оскорбительным слухам. И не было видимых препятствий для оглашения такого важного события в жизни королевы. Граф де Сен-Орер, выслушав сторонников подобного подхода к данной проблеме, выдвинул веский аргумент: «Сохранение тайны отвечает политическим интересам государства и позволяет избежать большого скандала, ибо общественное мнение, снисходительное к любой внебрачной связи, никогда бы не простило королеве ее брака с кардиналом; более того, простые люди, для которых браки заключаются на небесах, возмутились бы гораздо больше при мысли, что Мазарини останется министром до конца своих дней...»²¹.

Глава 2

КАКИМ ОБРАЗОМ ДВА ЛЮБОВНЫХ ПИСЬМА ПОСЛУЖИЛИ ПРИЧИНОЙ РАЗДЕЛЕНИЯ ДВОРА НА ДВА ВРАЖДЕБНЫХ ЛАГЕРЯ

Переворот в сердце женщины почти всегда предвещает беспорядок в делах.

М. Томас

Гока Анна Австрийская и кардинал в поисках кратчайшей дороги в рай выходили на не предусмотренный катехизисом путь, усилиями нескольких красивых женщин двор превратился в настоящее осиное гнездо.

«Во Франции,— писал один из историков XVIII века,— царила анархия. Праздники и войны, анекдотические любовные похождения и заговоры против правительства следовали один за другим. И причиной всей этой неразберихи были женщины. В ту эпоху они были охвачены какой-то болезненной жадой политической деятельности, про-

являющейся в обычных условиях в виде программных установок тех или иных партий, в которых женщины по складу своего характера должны были бы занимать, вопреки бытующему мнению, ведущее место. Все без исключения придворные дамы в соответствии со своими пристрастиями и взглядами плели интриги, писали мемуары или участвовали в заговорах, посвящая этому делу в основном ночное время. И где бы ни находилась слабая женщина — в постели или в председательском кресле, — везде она была душой общества, готовя величайшие испытания в истории человечества, при этом любовь играла решающую роль»²².

Подтверждением чему являются события конца 1643 года.

* * *

В то время при дворе самыми красивыми дамами считались мадам де Лонгвиль и мадам де Монбазон. Трудно было сыскать двух столь непохожих женщин: первая — блондинка с ангельским лицом и глазами цвета бирюзы, вторая — статная брюнетка с громким голосом и звонким смехом. Но еще больше они расходились во вкусах, привычках, политических взглядах и, главное, отличались по происхождению. Мадам де Лонгвиль была дочерью принца Конде и сестрой герцога Энгиенского (будущего Великого Конде), одержавшего только что победу под Рокруа. И вполне понятно, что ее происхождение давало ей право на благосклонность регентши и Мазарини.

Напротив, мадам де Монбазон приходилась самой молодой свояченицей неисправимой мадам

де Шеврез, которая без устали плела интриги против кардинала, входя в известную партию «Важных»²³, которых справедливо опасалась королева за их намерение сместить или даже убить Мазарини.

И наконец, женщины соперничали в любовных похождениях: белокурая герцогиня, отказавшаяся выйти замуж за сына герцога Вандомского герцога де Бофора, по приказу отца была выдана за старого герцога де Лонгвиля, который был старше ее на тридцать лет. А темпераментная брюнетка мадам де Монбазон одновременно была любовницей герцога де Бофора, отставного ухажера мадам де Лонгвиль, и самого господина де Лонгвиль...

Неудивительно, что обе женщины имели все причины не выносить друг друга, хотя мадам де Лонгвиль и не принимала близко к сердцу любовные похождения своего мужа. Не испытывая ни малейшей симпатии к этому старику, в постель которого ее насильно уложили еще совсем юной девочкой, мадам де Лонгвиль искренне радовалась, когда он заводил очередную любовницу. Ведь тогда и у нее появлялась возможность беспрепятственно встречаться с Морисом де Колиньи...

* * *

Эти сложные отношения продолжались довольно долго, пока однажды во время одного из приемов у мадам де Монбазон фрейлина королевы не подобрала на ковре два кем-то случайно оброненных письма. Пробежав глазами несколько строк, она поняла, что речь в них идет о любовных делах и что написаны они женской рукой; фрей-

лина протянула эти любовные послания герцогине, которая не замедлила их прочесть вслух под дружный смех гостей. «Затем,— пишет мадам де Моттевиль,— на смену веселью пришло любопытство, потом последовали различные предположения, и наконец все пришли к выводу, что письма выпали из кармана только что вышедшего Колиньи, который, если верить слухам, был влюблен в мадам де Лонгвиль».

Мадам де Монбазон сразу же поняла, что у нее появилась прекрасная возможность не только испортить репутацию своей ненавистной соперницы, но и нанести удар по клану Конде, мешавшему партии «Важных» склонить на свою сторону всех придворных.

Вот текст этих писем:

«Я бы еще больше сожалела о перемене Вашего ко мне отношения, если бы действительно не заслуживала достойного к себе отношения. И пока я была уверена в подлинности и силе Ваших чувств, я дала Вам возможность извлечь все желаемые Вами выгоды из моей к Вам нежной привязанности. Теперь не надейтесь ни на что другое, кроме уважения, которое Вы заслужили вашей деликатностью. Я слишком горда, чтобы ответить положительно на клятвенные заверения в Вашей ко мне любви. А за Ваше пренебрежение к нашим встречам единственное, что я могу сделать, так это лишить Вас возможности видеть меня. Конечно, я не могу Вам приказывать, но я прошу Вас больше никогда ко мне не приходить».

К этому прощальному письму была приложена записка, написанная той же рукой:

«На что Вы рассчитываете после столь долгого молчания? Разве Вы не понимаете, что самолюбие мешает мне сохранить видимость наших отношений после того, как Вы перестали относиться ко мне с прежней любовью? Вы утверждаете, что чувствуете себя самым несчастным человеком на свете. И в этом якобы виноваты мои подозрительность и неуравновешенность. Позвольте мне не поверить Вам, хотя я не в праве отрицать, что Вы действительно меня любили. Но и Вы должны, в свою очередь, признать, что мое уважительное к Вам отношение стало достойным вознаграждением за Ваши чувства. И в этом есть своего рода высшая справедливость. И в будущем я не хочу выглядеть менее благородно, чем Вы, если Ваше поведение будет соответствовать моим ожиданиям, которые Вы бы нашли достаточно разумными, если бы испытывали большое влечение ко мне. А трудности, которые Вы преодолевали для того, чтобы встретиться со мной, не уменьшали, а, наоборот, распаляли Ваши чувства. Я страдаю от того, что меня лишили возможности любить. А вы страдаете, если судить по Вашим словам, от того, что слишком любите. По-вашему, надо поменять обстановку — и я найду успокоение в выполнении своего долга, а Вы, наоборот, изменяя ему, обретете свободу. Я не думаю, что забуду о том, как мы провели с Вами последнюю зиму. И в этом я с Вами так же откровенна, как и раньше. Надеюсь, что Вы последуете моему примеру, и я не пожалею о том, что приняла решение больше никогда не возвращаться к прошлому. Я буду дома три или четыре дня подряд, но увидеться со мной можно будет по известной Вам причине только вечером...»

Оба письма кажутся на первый взгляд вполне безобидными по сравнению со страстными и нескромными любовными посланиями королевы Марго.

Однако было бы заблуждением принимать за чистую монету все, что в них написано. Непринужденная манера письма — дань моде того времени, появившейся под влиянием школы Рамбуйе, — позволяла все нужное читать между строк. А люди того времени отлично умели угадывать в каждом слове заложенный в него скрытый смысл. Например, фразу *«Я не думаю, что забуду о том, как мы провели с Вами последнюю зиму»* следует читать: *«Со сладострастием вспоминаю те изнурительные ночи, которые мы провели вместе в моей постели...»*

Мадам де Монбазон тоже следовала моде, и ее письма тоже могли бы ввести в заблуждение любого непосвященного, который легко принял бы ее за невинную девушку, мечтавшую о платонической любви, в то время как на самом деле она вела себя будто отъявленная потаскуха. Примером тому может служить следующий случай. Однажды во время бала, который давала мадам де Монбазон в своем доме на улице Барбьет, одна из фрейлин обратила внимание на подозрительное колыхание шторы из тяжелой гобеленовой ткани, закрывавшей одно из окон гостиной. Решив, что там прячется шпион Мазарини, она призвала на помощь де Гиза, который поспешил к ней с обнаженной шпагой.

Подойдя к окну, герцог резким движением откинул штору.

Открывшаяся картина повергла придворных в замешательство: мадам де Монбазон, «опира-

ясь на подоконник, беззастенчиво занималась любовью с одним из приглашенных на бал гостей»²⁴.

Таким образом, соперница мадам де Лонгвиль прекрасно разобралась в том, что скрывалось за возвышенным любовным стилем письма. Она перевела его с большим остроумием и злорадством на всем понятный язык. А на следующий день весь Париж уже знал, что прекрасная блондинка была любовницей Мориса де Колиньи.

И тут же появились куплеты:

Госпожа де Лонгвиль, как молва утверждает,
Заниматься любовью не прочь,
И вдвойне не прав тот, кто дочь осуждает:
На мамашу равняется дочь.
Превосходна мамаша, но очень чванлива,
А дочка похожа на мать, просто диво.
И меняют мужчин они без перерыва.

Принцесса Конде, узнав о том, что мадам де Монбазон оклеветала ее дочь, обратилась с жалобой к регентше. С этого момента двор разделился на два враждующих лагеря: все «Важные» стали на сторону мадам де Монбазон, тогда как друзья Мазарини взяли под защиту мадам де Лонгвиль. Попав в довольно щекотливое положение (необходимо было вмешаться в этот спор и разрешить его), Анна Австрийская приказала провести расследование, в результате которого выяснилось, что письма были написаны не мадам де Лонгвиль, а другой придворной дамой по имени Фокроль, и адресовались не к Морису де Колиньи, а к графу де Молеврье.

Под нажимом сторонников Мазарини королева заставила мадам де Монбазон принести публичные извинения принцессе Конде.

Но «Важные» восприняли это «наказание» как вопиющую несправедливость по отношению к семействам Вандомов и Гизов и после долгого обсуждения решили устроить покушение на Мазарини.

Вот так из-за двух любовных писем был организован заговор, который мог иметь самые тяжелые последствия для королевского трона...

* * *

В назначенный королевой день во дворце Конде появилась мадам де Монбазон. Она являла собой живописную картину: роскошное платье, шляпа, украшенная красными перьями, пальцы рук унизаны кольцами и... презрительная усмешка на губах.

Лакеи, поняв по ее надменному виду, что сейчас им предстоит увидеть занимательное зрелище, поспешили занять удобные места, чтобы ничего не упустить из предстоящего спектакля.

Мадам де Монбазон проследовала в гостиную, где ее ожидала в окружении многочисленных друзей принцесса. Войдя с самоуверенным видом в зал, она смерила пренебрежительным взглядом мать соперницы и, не поздоровавшись ни с кем, начала зачитывать приколотую к вееру записку с заранее приготовленными извинениями. «Она ее читала,— вспоминает мадам де Моттевиль,— с таким презрительным выражением лица, которое, казалось, говорило: “Плевать я хотела на то, что мне приходится говорить”».

А после слов: *«Умоляю Вас поверить, что впредь я буду относиться к Вам с уважением и никогда более не поставлю под сомнение добродетель*

и достоинства мадам де Лонгвиль»,— она ехидно улыбнулась, и вряд ли среди присутствующих нашелся хотя бы один человек, который не усомнился бы в искренности этих слов.

С трудом сдерживая гнев, принцесса Конде²⁵ произнесла сквозь зубы несколько ответных слов, после чего в комнате воцарилась гнетущая тишина. Не сказав ни слова, мадам де Монбазон покинула салон все с той же усмешкой на губах.

Глубоко оскорбленная поведением герцогини, принцесса Конде добилась от королевы обещания, что никогда больше не увидит при дворе мадам де Монбазон. Некоторое время спустя мадам де Шеврез устроила завтрак в саду Ренар, что находился на краю парка Тюильри. С недавних пор здесь появилась кондитерская, куда любили заходить элегантные дамы после прогулки по Кур-ла-Рен, чтобы выпить что-нибудь и отдохнуть под звуки испанской серенады. Королеве нравился этот уголок парка, и она с удовольствием приняла приглашение мадам де Шеврез, попросив принцессу Конде сопровождать ее.

— А будет ли там мадам де Монбазон?

— Нет,— ответила королева, которая была в курсе всех придворных сплетен.— Сегодня утром она приняла слабительное.

Несмотря даже на такие важные обстоятельства, как прием лекарства, мадам де Монбазон не могла пропустить такой прием. И издали слышался ее громкий голос и звонкий смех. Принцесса хотела было незаметно уйти, чтобы не портить праздник своим подругам, но королева ее удержала, найдя, как ей казалось, неплохой выход из положения. Подозвав к себе одну из фрейлин, она сказала:

— Попросите мадам де Монбазон «*почувствовать себя плохо*», чтобы она смогла уехать к себе и избежать таким образом скандала.

Выслушав столь странное пожелание королевы, герцогиня рассмеялась, произнесла несколько нелестных слов в адрес принцессы, и наотрез отказалась покинуть сад.

Разгневанная Анна Австрийская тут же удалилась в сопровождении принцессы. А на следующий день мадам де Монбазон получила приказ покинуть Париж и немедленно выехать в Рошфор, где у нее был собственный дом...

* * *

Ссылка мадам де Монбазон переполнила чашу терпения «Важных». «Они так разозлились,— писал Виктор Кузен,— что готовы были пойти на любую крайность и совершить любую жестокость». Герцог де Бофор, самолюбие которого было задето, посчитавший себя униженным и оскорбленным в любовных чувствах к мадам де Монбазон, взывал к мщению громче всех. Таким образом, витавший с недавних пор под крышей Вандомского дворца дух мести нашел себе конкретное воплощение в заговоре против Мазарини»²⁶.

На этот раз «Важные» решили времени даром не терять.

В один из вечеров, когда Мазарини направлялся на ужин к Рене де Лонгею, они расставили по пути его следования наемных убийц, приказав им убить кардинала. Семейства Вандомов, Гизов, мадам де Шеврез решили в действительности воспользоваться благоприятным моментом, ког-

да двор оказался разделенным из-за вышеупомянутых писем на два враждующих лагеря, и одним ударом сокрушить врагов, припугнуть королеву, вернуть себе потерянные при дворе посты, добиться назначения на должность премьер-министра близкого им Шатонефа и тем самым окончательно покончить с политическим наследием Ришелье.

Со злорадством они наблюдали за тем, как кардинал садился в свою карету. У каждого из них в голове вертелась одна единственная мысль, что уж на этот раз они окончательно избавятся от Мазарини. Но в тот момент, когда слуга уже готов был захлопнуть дверцу кареты, на пороге дворца появился старший брат короля, который неожиданно тоже решил побывать на обеде у Рене де Лонгея:

— Подождите меня, я поеду вместе с вами,— воскликнул он, смеясь.— Хороший обед, думаю, мне не повредит.

И занял место в карете рядом с кардиналом, что привело заговорщиков в полное замешательство. Как только карета скрылась из вида, они послали всадника предупредить нанятых ими людей об отмене задуманной акции.

В самом деле, они не могли допустить убийства принца крови герцога Орлеанского. Вот так любовь старшего брата короля к вкусной пище спасла жизнь Мазарини...

* * *

На следующий день до полиции премьер-министра дошли слухи о несостоявшемся покушении после того, как кто-то из наемных убийц

прилюдно выразил недовольство отменой приказа.

Узнав о замышлявшемся против него заговоре, Мазарини после разговора с регентшей приказал арестовать герцога Бофора и выслать из Парижа семью Вандомов. Что касается мадам де Шеврез, то ей предписывалось сначала отправиться на поселение в Дампьер, а потом в Анжу. Шатонеф был вынужден выехать в Турен, а епископ Потье — в Бове.

Короче, «Важным» пришлось пережить много волнений. По свидетельству мадам де Монпансье «при дворе за короткий промежуток времени произошли значительные перемены, укрепившие авторитарный характер власти главным образом самого Мазарини».

А некоторое время спустя произошел курьезный случай с находившейся в ссылке в Рошфоре мадам де Монбазон, который окончательно дискредитировал партию «Важных».

Однажды вечером, когда герцогиня принимала у себя очередного любовника, к ней в комнату поднялся до этого спавший этажом ниже муж, который, открыв дверь, спросил:

— Мне послышался какой-то шум. Неужели у нас завелись крысы?

— Вы правы,— спокойно ответила мадам де Монбазон.— Но не стоит беспокоиться, одну я уже поймала...

Такой ответ привел к самым неожиданным последствиям: спрятанный под простыней любовник рассмеялся, и несчастному пришлось спасаться бегством из комнаты совершенно голым под яростные возгласы рассерженного старого герцога...

* * *

В деле о письмах можно было бы поставить точку, если бы вдруг не заговорил человек, который до сих пор хранил молчание (по настоятельной просьбе мадам де Лонгвиль). Речь идет о Морисе де Колиньи, который неожиданно для всех решил защитить как свою собственную честь, так и честь своей «дамы». Не имея возможности вызвать на дуэль Бофора и Вандомов, уже отправленных в ссылку, он решил драться с последним из партии «Важных», который еще оставался в Париже,— герцогом де Гизом.

Дуэль состоялась на Королевской площади в присутствии мадам де Лонгвиль, которой очень хотелось увидеть, как Колиньи дерется из-за ее прекрасных глаз с одним из Гизов... Колиньи, однако, не повезло: после ранения, полученного на дуэли, у него была ампутирована рука, что послужило поводом для куплетов, распевавшихся горожанами на улицах Парижа:

Госпожа де Лонгвиль, ну к чему так страдать?
Слезы портят лицо, вы должны это знать.
Осушите же глазки, перестаньте рыдать —
Колиньи скоро будет здоровым опять.
Да, просил у врага своего он пощады,
Но за это его не должны вы судить.
Он остался живым — будьте ж этому рады:
Снова вашим любовником сможет он быть.

Увы! Рана оказалась настолько серьезной, что бедняга через пять месяцев умер от гангрены.

«Вот так,— писала мадемуазель де Монпансье в своих “Мемуарах”,— закончилась эта трагич-

ная история, нанеся серьезный удар по королевской власти и посеявшая в умах первые семена смуты и сомнения... Быть может, эта история и послужила началом всех беспорядков и волнений, которыми так богато прошлое Франции».

В самом деле, интриги, возникшие вокруг двух любовных писем, привели в конце концов к появлению Фронды...

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава 1.** *Состояла ли Анна Австрийская в тайном браке с Мазарини? . . . . .* 9
- Глава 2.** *Каким образом два любовных письма послужили причиной разделения двора на два враждебных лагеря . . . . .* 20
- Глава 3.** *Испугавшись Фронды, Конде решил найти нового любовника для Анны Австрийской . . . . .* 34
- Глава 4.** *Как камеристка лишила невинности Людовика XIV . . . . .* 58
- Глава 5.** *Как с помощью Марии Манчини Людовик XIV стал Королем-Солнце . . .* 66
- Глава 6.** *Мазарини использует принцессу Савойскую для заключения мира с Испанией . . . . .* 76
- Глава 7.** *Как по политическим мотивам Мазарини превратил старшего брата короля в женоподобное существо . . . .* 99
- Глава 8.** *Фуке попал в немилость из-за Луизы де Лавальер . . . . .* 120

- Глава 9.** *Мадам берет в любовники фаворита своего мужа* 128
- Глава 10.** *Мадам де Монтеспан заказывает черную мессу, чтобы приворожить Людовика XIV* 142
- Глава 11.** *Сражения, которые вели между собой дамы на виду у королевской армии* 167
- Глава 12.** *Франция трех королев* 175
- Глава 13.** *Любовные похождения Монсиньора едва не расстроили союз с Англией* 190
- Глава 14.** *Любовь господина Тюрена стала причиной смерти Генриетты Английской* 198
- Глава 15.** *Лозен оказался в тюрьме по воле мадам де Монтеспан* 215
- Глава 16.** *Мадемуазель де Лавальер постригается в монахини и становится сестрой Луизой* 226
- Глава 17.** *Подточило ли здоровье Людовика XIV приворотное зелье, которым его потчевала мадам де Монтеспан?* ...233
- Глава 18.** *Отравила ли мадам де Монтеспан новую любовницу короля?* 247

- Глава 19.** *Венчание Людовика XIV с мадам де Ментенон прошло под большим секретом* 265
- Глава 20.** *Мадам де Ментенон несет ответственность за отмену Нантского эдикта* 279
- Глава 21.** *Странные вкусы великовозрастного дофина* 288
- Глава 22.** *Мадам де Ментенон изъявила желание, чтобы ее официально объявили королевой Франции* 303
- Глава 23.** *Мадемуазель Пети — посол Короля-Солнце* 310
- Глава 24.** *Странные вечеринки регента* 336
- Глава 25.** *Мадам де Парабер оказывает протекцию финансисту Ло* 351
- Глава 26.** *Как куртизанка помешала королю Испании стать королем Франции* 362
- Глава 27.** *Архиепископ Камбре становится кардиналом благодаря женщине* 374
- Глава 28.** *Как мадам д'Овернь была продана регенту собственным мужем* 382

Глава 29. Регент умер в объятиях мадам де Фаларис	391
Библиография	409
Примечания	415
Историческая справка	435

Литературно-художественное издание

БРЕТОН ГИ

**ИСТОРИЯ ЛЮБВИ
В ИСТОРИИ ФРАНЦИИ**

ТОМ 4

ОТ ВЕЛИКОГО КОНДЕ

ДО КОРОЛЯ-СОЛНЦЕ

Перевод с французского В. В. Егорова

Ведущий редактор *Н. В. Комарова*

Иллюстрации: *К. С. Салина*

Художественное оформление: *А. Б. Архутик*

Компьютерная верстка: *М. Ю. Железнова*

Корректор *О. В. Круподер*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.10.2011 г.

Формат 84×90/32. Гарнитура «Miniature».

Печ. л. 14,0. Тираж 1500 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»

115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru

Издательство «Этерна» представляет
Серия «ИСТОРИЯ ЛЮБВИ В ИСТОРИИ»

ГИ БРЕТОН

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ В ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

в 10 томах

- Том I*   **Любовь,
которая сотворила историю**
- Том II*   **От Анны де Боже
до Марии Туше**
- Том III*   **В интимном окружении
королев и фавориток**
- Том IV*   **От великого Конде
до Короля-Солнце**
- Том V*   **Век распутства**
- Том VI*   **Когда любовь была «санкюлотом»**
- Том VII*   **Наполеон и его женщины**
- Том VIII*   **Наполеон и Мария-Луиза**
- Том IX*   **Эжени флиртовала...**
- Том X*   **Любовные истории**